

Глава 17: Похороны

Великолепие поместья Равенстейн приобрело мрачные оттенки с наступлением дня похорон. Тяжёлые тучи низко висели в небе, их вес отражал тяжесть, которая осела на сердцах присутствующих. Воздух был густым, пропитанный чувством благоговения, как будто сама природа воздавала честь торжественному случаю.

Расположенное в самом сердце поместья Равенстейн, кладбище Равенстейнов служит торжественным завещанием о наследии и могуществе этой грозной семьи. Памятники из мрамора и камня элегантно возвышаются над землёй, каждый из них несёт на себе след знатного Равенстейна.

Сложные скульптуры и замысловатая гравировка запечатлевают суть этих прославленных личностей, увековечивая их достижения и вклад в наследие семьи. Мраморная тумба, украшенная мерцающими свечами и венками полуночных цветов, держала пустой гроб, символизирующий последнее пристанище Ариэля Равенстейна.

Семья Равенстейн, со своими уникальными белыми волосами, стояла поодаль. На их лицах было написано множество эмоций, каждое из которых было неотъемлемой частью их родового наследия.

Аттикус, Эмбер и Калдор стояли вместе, плечом к плечу. Глаза Эмбер и Калдора были совершенно красными от плача, не прекращавшегося всю ночь. Аттикус не мог не сжать кулак, глядя на них.

Он всегда нежно любил свою семью, и видеть их в таком состоянии причиняло ему боль. В утренней тишине в его голове звучало лишь одно слово: «Сила».

Когда началась церемония, собравшиеся вокруг затихли. Мягкие заупокойные молитвы, исполняемые на скрипках, переплетались с шелестом листьев и жалобным криком горлицы. Глава семьи Равенстейн, Авалон, сделал шаг вперед, чтобы обратиться к собравшимся.

Стоя среди группы скорбящих, Авалон заговорил о своем погибшем брате, его голос был исполнен как скорби, так и почтения.

— Он был хорошим человеком. Хорошим братом. Замечательным отцом. — Слова Эвалона, казалось, повисли в воздухе, свидетельствуя о глубине его чувств.

— Безумно талантливый, Ариэль обладал пылающим духом решительности и безграничным сердцем. — Слабая улыбка тронула уголки губ Эвалона, когда он обдумывал это, горько-сладкий контраст с тяжёлой атмосферой.

Взгляд Эвалона на мгновение потускнел, его выражение омрачила завеса печали. — Он не заслужил такой участи, — пробормотал он, его голос был не более чем шёпотом, уносимым ветром. — Так неожиданно лишиться его света — потеря, которая навсегда останется у нас на сердце.

Когда его голос дрогнул от эмоций, решимость Эвалона оставалась непоколебимой. — Но даже перед лицом этой смерти мы должны помнить о его наследии, — заявил он, его слова стали призывом. — Дух Ариэля жив в идеалах, которые он олицетворял, и в том влиянии, которое он оказал на всех нас.

Голос Авалона окреп, его глаза мерцали гордостью и грустью. «Давайте чтить Ариэля,

продвигая его ценности, продолжая начатое им дело и оставаясь сплочённой семьёй. Ведь даже после смерти его свет будет вести нас и вдохновлять вечно».

Тяжёлое молчание воцарилось, когда пустой гроб медленно опускали в землю. Отсутствие физической формы Ариэля было печальным напоминанием о коварстве судьбы.

Тем не менее, воздух пропитался чувством единства, молчаливым пониманием, что дух Ариэля навсегда будет сплетён с историей семьи Равенстайн.

Аттикус, Эмбер, Колдор и другие члены семьи со скорбью и решимостью в глазах по очереди клали по одной белой розе на гроб. Лепестки, казалось, шептали об их чувствах, отдавая безмолвную дань павшему герою.

После траурного погребения Ариэля Равенстайна огромная усадьба стала свидетельницей потока семей, прибывших выразить свое почтение. Семьи первого уровня направили представителей, поскольку они посчитали недостойным приезжать сюда сами из-за такого события.

В главном холле, который превратился в место сбора членов траурной процессии и выражения соболезнований, Аттикус действовал целенаправленно. Его взгляд скользнул по мрачной толпе. Он увидел Фрейю и Калдора, которые общались с несколькими людьми, однако Эмбер нигде не было видно.

Наконец, он обнаружил ее в углу, скрытой тенью. Она держалась отстранённо, словно отражая скорбь, царившую в зале.

Подойдя к ней с сочувствием, Аттикус мило улыбнулся. «Эмбер», – произнёс он мягким и ободряющим тоном. «Я знаю, что это глупый вопрос, однако как ты держишься?»

Взор Эмбер переместился на Аттикуса. Ее лицо выражало страдание; некогда яркие глаза покраснели и опухли. Рукава ее платья промокли от слез, которые она постоянно вытирала. «Он не заслуживал этого», — сказала она едва слышным шепотом. В ее словах сквозила неподдельная уязвимость.

Аттикус кивнул, в его глазах отразилось понимание. «Нет, не заслужил», — согласился он. «Иногда судьба наносит нам болезненные удары, которые мы не можем контролировать. Но помни, у тебя есть семья, которая глубоко заботится о тебе, и мы будем поддерживать друг друга, несмотря ни на что».

Молчание Эмбер затянулось, ее взгляд устремился вдаль. Аттикус продолжил, его голос был нежным и решительным. «Ты должна это пережить, Эмбер. Это то, чего хотел бы Ариэль».

На мгновение фасад Эмбер дрогнул, в глазах мелькнул проблеск уязвимости.

«Это больно», — призналась она, ее голос наконец-то дал намек на то, какие эмоции скрываются в глубине ее души.

Аттикус протянул руку, осторожно положив ладонь на ее плечо. "Нормально чувствовать боль", — заверил он ее. "Но не позволяй этой боли поглотить тебя. Опирайся на тех, кто заботится о тебе, и вместе мы найдем способ почтить память Ариэля".

Взор Эмбер встретился с его, слезы текли струйками по ее лицу. Она крепко обняла его и прошептала чуть слышным голосом: "Спасибо".

Аттикус прижал ее к себе, нежно погладив по голове. "Ты никогда не останешься одна, Эмбер", — утешил он ее, и его слова звучали как обещание.

<http://tl.rulate.ru/book/4216/125839>